

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 81'114

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-68-76>

«Еще раз говорю...»: повторение сказанного как средство снятия неопределенности

Наталья Васильевна Орлова¹, Дмитрий Александрович Стрекалов²

^{1,2} Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

¹ nvorl@rambler.ru

² paperbacknowriter@gmail.com

Аннотация

Анализируются коммуникативно-когнитивные компоненты диалога, побуждающие одного из его участников повторить сказанное и предварительно отрефлексировать этот факт в виде модуса повторного говорения. Исследование выполнено на материале ответов основного корпуса НКРЯ на запросы «еще раз тебе», «еще раз вам», «еще раз тебя», «еще раз вас». За исключением случаев позитивной фатики (например, «еще раз тебя благодарю»), подобный повтор информации одним из участников диалога обусловлен коммуникативной неудачей в прошлом, ответственность за которую говорящий возлагает на собеседника. Прагматической предпосылкой такого повтора является также то, что говорящий приписывает себе статус не ниже статуса собеседника. Когнитивным основанием неудачи признается неопределенность информации, которая может быть снята или понижена в результате недословного (вариативного) повтора. Показано, что семантические разновидности неопределенности коррелируют с интенциями повторяющихся речевых действий. Например, повторный репрезентатив уменьшает степень неполноты знаний или корректирует неверную, с точки зрения говорящего, интерпретацию сведений адресатом; повторный директив и повторный комиссив иницированы неуверенным прогнозом относительно дальнейшего развития событий. Повтор может быть реализован как в интересах говорящего (навязывание своей интерпретации обсуждаемых событий), так и в интересах адресата (уточнение его представлений о предмете речи). Теоретическое значение исследования состоит в уточнении маркеров статусных позиций участников диалогов; оценка эффективности высказываний с эксплицитным модусом повторного говорения может быть использована в практике преподавания коммуникативных дисциплин.

Ключевые слова: модус повторного говорения, повтор информации, коммуникативная неудача, неопределенность, интенция

Для цитирования: Орлова Н В., Стрекалов Д. А. «Еще раз говорю...»: повторение сказанного как средство снятия неопределенности // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 1 (231). С. 68–76. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-68-76>

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

“Once again I say...”: repetition of what has been said as a means of removing uncertainty

Natalya V. Orlova¹, Dmitry A. Strekalov²

^{1,2} F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

¹ nvorl@rambler.ru

² paperbackknowwriter@gmail.com

Abstract

The article analyzes the communicative and cognitive components of a dialogue that induce one of its participants to repeat what has been said and preliminarily reflect this fact in the form of a modus of repeated speaking. The study was carried out on the material of responses of the main corpus of the NCRN to the queries “once again to you”, “once again to you”, “once again to you”, “once again to you”. Except for cases of positive phatic (e.g., “thank you again”), such repetition of information by one of the dialogue participants is due to a communicative failure in the past, for which the speaker attributes responsibility to the interlocutor. The pragmatic prerequisite of such repetition is also the fact that the speaker attributes to himself a status not lower than that of the interlocutor. The cognitive basis of failure in the article is recognised as uncertainty of information, which can be removed or lowered as a result of understated (variant) repetition. It is shown that semantic varieties of uncertainty correlate with the intents of repetitive speech acts. For example, a repeated representative reduces the degree of incompleteness of knowledge or corrects the addressee’s misinterpretation of the information from the speaker’s point of view; a repeated directive and a repeated commission are initiated by an uncertain forecast regarding the further development of events. Repetition can be realised both in the interests of the speaker (imposing his interpretation of the events under discussion) and in the interests of the addressee (clarifying his ideas about the subject of speech). The theoretical significance of the study consists in clarifying the markers of the status positions of the participants of dialogues; the evaluation of the effectiveness of utterances with the explicated modus of repetitive speaking can be used in the practice of teaching communicative disciplines.

Keywords: *modus of repeated speaking, information repetition, communicative failure, uncertainty, intension*

For citation: Orlova N. V., Strekalov D. A. «Eshche raz govoryu...»: povtoreniye skazannogo kak sredstvo snyatiya neopredelennosti [“Once again I say...”: repetition of what has been said as a means of removing uncertainty]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 68–76 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-68-76>

Введение

Актуальность исследования обусловлена вниманием современной русистики к проблемам эффективности общения, в том числе когнитивным и прагматическим основаниям успеха и неуспеха коммуникации, а также зонам риска [1, 2]. По-видимому, в такую зону входит фраза с модусом повторного говорения «Я тебе еще раз говорю». По данным одного из форумов (<https://otvet.mail.ru/question/221001846>), она вызывает негативное отношение (*реально раздражает; прям хочется ножом пырнуть за такое*); ассоциируется с поучением (*говорит о том, как делать надо, а не как хочется*), понижает самооценку адресата (*это унижает твои способности и задевает ЧСВ; типа ты тупой и с первого раза никогда не понимаешь...*).

В лингвистике повторение информации рассматривалось в различных аспектах: структурно-композиционном [3], стилистическом [4], дидактическом [5], коммуникативно-прагматическом [6]. По наблюдениям В. А. Марковой, повтор может стать средством преодоления коммуникативной неудачи, если говорящий вводит его для облегчения восприятия информации в случае ее непонимания партнером по коммуникации. Автор убедительно показывает, что подобную функцию выполняет вариативный повтор; напротив, дословное повторение реплики имеет место, когда, по мнению говорящего, «отсутствие нужной реакции связано не с непониманием, а с нежеланием нужным образом реагировать» [7, с. 115]. Таким образом, повторение информации, в том числе самоповтор, может иметь различные предпосылки.

Модальная рамка «я говорю», как правило, не оценивает текущий дискурс, а употребляется при пересказе адресантом собственных реплик из прошлых коммуникаций с третьими лицами (так, ряд автоцитат-просьб приведен в [8]). Иное дело – экспликация повторного говорения в виде модальной рамки «еще раз тебе/вам говорю». В данном случае очевидно, что адресант не удовлетворен предшествующим эпизодом коммуникации и фиксирует коммуникативную неудачу.

О. П. Ермакова и Е. А. Земская называют коммуникативной неудачей «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [9, с. 31]. Нам представляется, что те случаи, когда адресат понимает сказанное, но реагирует не так, как хотелось бы говорящему, также можно рассматривать как неудачу последнего. Поэтому возьмем за основу вторую часть вышеприведенной дефиниции – «неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего». Заметим, что она же принята О. В. Вечкиной в диссертационном исследовании неудач повседневного речевого общения [10, с. 5].

Введение в проблематику работы понятия неопределенности обусловлено исследовательской установкой, связанной с когнитивной составляющей диалогического дискурса. Неопределенность, вслед за Н. Р. Кириченко, рассматриваем как «многоточное ментальное образование, понятийное содержание которого сопряжено со всеми сферами человеческого бытия и жизнедеятельности» [11, с. 5]; как концепт, имеющий ряд смысловых признаков: отсутствие определения, неустановленность (в отношении времени совершения действия, числа, количества, цели, курса, результата, местонахождения и т. д.), отсутствие четких контуров, границ, отсутствие знаний, сложности в объяснении, понимании, смутность ощущения, сомнения, колебание и т. д. [12, с. 128]. Состояние сознания участников диалога характеризует разные кластеры данных признаков, а направленность автоповтора на «облегчение восприятия информации в случае ее непонимания партнером», о которой говорилось выше, является его частным случаем. У говорящего всегда есть основания считать, что адресат не понимает, недопонимает сказанное либо не желает реагировать на него должным образом, так как он недостаточно информирован о предмете речи. Видоизмененный повтор информации, с его точки зрения, может снять неопределенность или понизить ее степень.

Таким образом, в нашем понимании именно неполное или неточное (искаженное) знание о пред-

мете речи является доминантой неопределенности как концепта, который в диалоге актуализируется говорящим, использующим модус повторного говорения. Так понимаемая определенность/неопределенность выходит за рамки семантической категории высказывания, функцией которой является «актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность)» [13, с. 349].

Материал и методы

Эмпирический материал исследования сформирован ответами на запросы «еще раз вам», «еще раз тебе», «еще раз вас», «еще раз тебя» в основном корпусе НКРЯ. В данном исследовании корпусный метод способствовал формализованному сбору материала: единицы анализа объединены характеристикой «участник диалога фиксирует факт самоповтора и повторяет сказанное ранее». Модус повторного говорения, выраженный сочетанием наречия «еще раз» и языковых единиц с семантикой речи, представлен в значительной части ответов корпуса (91 % – на запросы «еще раз вам», «еще раз тебе» и 35 % – на запросы «еще раз вас» и «еще раз тебя»). В общей сложности объектом анализа явились 52 фрагмента диалогов. Источники речевого материала представлены с атрибуцией, предлагаемой НКРЯ (автор, название, год публикации).

Воспользовавшись понятийным аппаратом дискурс-анализа, мы обозначили рассматриваемые фрагменты рабочим термином «продолжающий коммуникативный ход» [14, с. 117] (ПКХ). Все рассматриваемые ПКХ включают модус повторного говорения и собственно повторение сказанного. С целью получения наиболее подробной информации о семантике и прагматике ПКХ из корпуса отбирались расширенные варианты контекстов. Использовались общенаучные методы анализа и синтеза, а также специальные методы анализа высказывания: интен-анализ, контекстуальный анализ, семантико-стилистический анализ. Для выявления типичных условий реализации ПКХ с модусом повторного говорения и повтором информации использовались статистические подсчеты. Реализация данных методов позволила выявить коммуникативно-когнитивные характеристики соответствующего фрагмента диалога.

Результаты и обсуждение

Анализ материала обнаруживает, что неопределенность информации занимает разное место и имеет разное качество в зависимости от доминирующей интенции говорящего, использующего ПКХ.

Повторы-репрезентативы

Для ПКХ с повторяющейся репрезентативной интенцией (в материале это около 40 % всех контекстов) типична ситуация, когда адресант приписывает своему адресату неполноту, неточность знаний о предмете речи или некорректную интерпретацию, то есть непонимание информации. Из контекстов следует, что адресат либо не владеет информацией объективно (например, в силу отнесенности к определенной социальной группе), либо волей собеседника лишается права на точное знание. Лексическими маркерами перечисленных положений дел являются прежде всего глаголы «знать», «понимать», употребленные в высказываниях с ирреальной модальностью (1, 2), а также близкие к ним глаголы, выражающие идею непонимания асертивной либо пресуппозитивной частью своих значений: например, «вразумить» из примера (2) означает ‘наставить, привести к правильному пониманию’ [15]:

(1) – *Позвольте вас, милостивый государь, предупредить и еще раз вам напомнить, если вы только не знали того, – с особенным и весьма строгим внушением проговорил прокурор, – что вы имеете полное право не отвечать на предлагаемые вам теперь вопросы...* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)].

(2) *Тогда примите мои поздравления: сегодня началась новая мировая война. Но ваши имена в историю не войдут. Боюсь, что они не поняли и этого. – Если вы доложите все, как есть, – попытался я вразумить их еще раз, – вам просто не поверят...* [Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)].

Адресант может подчеркивать некомпетентность адресата и иными, нерегулярными средствами. Так, в (3) он прибегает к категоричному отрицанию, советует прочитать информацию по теме и тут же излагает ее сам, используя «громкий» Caps Lock. В (4) адресант выражает сомнение в том, что адресат преуспеет в деле, о котором идет речь:

(3) [Mbvani (nick)] *Это НЕ валюта. ЧЕМ вы собираетесь торговать на бирже? ДОЛЯМИ стран в МВФ? Еще раз вам говорю – ПРОЧИТАЙТЕ, ЧТО ТАКОЕ СДР. Специальные права заимствования (англ. Special Drawing Rights, SDR, SDRs)... Не является ни валютой, ни долговым обязательством* [Форум: Новая волна или продолжение старой?! (2010)].

(4) *Взбивайте белок и желток отдельно, еще раз вам повторяю! Только тогда возникает ничтожный шанс, что у вас получится настоящий торт «Прага», произведение чеха Земана и русско-го Гуральника...* [Андрей Колесников. Прага нашего города (1997) // «Столица», 02.09.1997].

Повторное речевое действие в составе ПКХ репрезентативного типа не ограничивается дублированием сказанного со стороны адресанта, а содержит дополнительную информацию. Показательны примеры (2, 3), в которых левые и правые контексты модуса повторного говорения не совпадают. Но даже если новые сведения при повторе отсутствуют, он не является «нулевой» информацией, поскольку выполняет риторическую функцию. Так, в повторном напоминании (1) прокурор интонацией указывает на значимость сообщения.

Реже в ПКХ репрезентативного типа неполное или неточное знание о предмете речи характеризует адресанта или обоих коммуникантов; такие ПКХ могут включать повтор запроса (еще раз спрашиваю), либо констатацию незнания в ответ на запрос (еще раз говорю: не знаю), либо констатацию разной степени незнания у адресанта и адресата (мы не знаем, вы что-то знаете). В примере (5) неточное знание обоих коммуникантов о предмете речи – цене товара – имеет следствием повторение вопроса, уклончивый ответ, предложение с оттенком сомнения, согласие с оттенком удивления:

(5) – *Ну, сколько же, – спрашивает еще раз, – тебе за них? – Сколько пожалеете. – Рубль серебром не мало? – Помилуйте, – говорю, – вполне достаточно* [Ф. Ф. Тютчев. На скалах и долинах Дагестана (1903)].

Заметим, что задачей коммуниканта, использующего ПКХ с репрезентативной интенцией, может стать не снятие неопределенности, а, напротив, ее сохранение, как в (6):

(6) *«Никуда никогда мы не ездили, в жизни не было такой поездки...» – «Как? – закричала я. – Как, мама, я все так отчетливо помню: и машину, и церковь, и батюшка был такой худенький, и чаша в его руках была золотая, но маленькая, и...» – «Я еще раз тебе говорю, что ты меня убеждаешь? Никаких машин и поездов, и леса никакого и ничего этого не было». – «А что же это было?» – «Вот что это было, это уже другой вопрос, ясно, что это было, надо радоваться и не очень это разбирать, лучше порадоваться и промолчать».*

Из примеров (2, 3, 6) видно, что повторные высказывания, направленные на пополнение знаний или коррекцию понимания, сочетают сообщение информации с элементами убеждения. Иначе говоря, коммуникант, использующий ПКХ репрезентативного типа, навязывает адресату свою интерпретацию обсуждаемого положения дел. В свою очередь возможность различных интерпретаций обсуждаемой ситуации может быть обусловлена сложностью осмысления, неочевидностью, непонятностью предмета речи. «Неопределенность внутреннего содержания объекта внимания» рас-

смачивается как одна из смысловых составляющих концепта неопределенности [12, с. 128]; в части наших примеров именно она заставляет говорящего прибегать к вариативному повтору сообщения. Рассмотрим фрагмент из интервью (7), где указанная грань неопределенности характеризует такой предмет речи, как разжигание национальной розни:

(7) Меня интересуют не частные беседы с Пуго о мытье окон... Меня интересует вопрос: высшее партийное руководство в своих оперативных решениях давало какие-то рекомендации или какие-то установки? Можете ли Вы привести конкретные факты, свидетельствующие о том, что высшее партийное руководство страны стояло на пути разжигания национальной розни? ЯКОВЛЕВ А. Н. Я еще раз вам говорю. **Постановлений ЦК, Политбюро и Секретариата о разжигании национальной розни не было.** ИВАНОВ Ю. П. **А фактически?** ЯКОВЛЕВ А. Н. **А фактически, я Вам уже говорил, разве это не действия, которые возвращают недоверие, если хотите, к Москве, недоверие к центральному руководству, когда в партийных решениях написано: обязать не только ЦК, может быть, ЦК и правомерно обязать, но и Советы Министров делать то-то и то-то?** [Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 2 (2001)].

В вопросе Ю. П. Иванова об ответственности партийного руководства за разжигание национальной розни содержится неудовлетворенность предыдущим ответом; формулировка вопроса многословна, насыщена абстрактной лексикой. В ответе на вопрос А. Н. Яковлев дважды использует модус говорения, оба раза подчеркивая, что ему приходится повторяться (*еще раз вам говорю, я Вам уже говорил*). Однако его повторные ответы неявно противоречат друг другу; кроме того, поясняя свою точку зрения, он вводит пропозицию идентификации «разве это не...», что характерно для вербализации неочевидных положений дел [16, с. 102]. В высказываниях обоих собеседников употребляются эксплицитные средства выражения неопределенности (дважды *какие-то* в вопросе Ю. П. Иванова; *то-то и то-то* в ответе А. Н. Яковлева), а в реплике А. Н. Яковлева – еще и показатель неуверенности *может быть*. Все сказанное убеждает в сложности осмысления предмета речи.

Повторы-директивы и повторы-комиссивы

Экспликация повторного речевого действия с помощью наречия «еще раз» имеет место в высказываниях-директивах. В нашем материале это просьбы (8), требования (9), советы (10), призывы (11) – всего 23 % контекстов:

(8) *Сереженька, дорогой, здравствуй! Как ты там живешь? У нас все хорошо. **Еще раз тебя прошу**, не звони так часто. Только деньги на ветер бросать. Все равно по телефону ничего толком не скажешь. Лучше выбери часок, сядь и напиши все как следует* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

(9) *Нечего нос-то задирать. Через это барыша не будет. – **Извольте идти вон! Еще раз вам повторяю**. – Ну, полно! Оно и в самом деле. Давай поговорим толком* [Н. А. Лейкин. Домовладелец (1880)];

(10) **Я еще раз вам советую:** урегулируйте свои отношения с Григорием Ефимовичем. Он нам с вами нужен. Вы только прикиньте, что получается: погибла Марева, убит при попытке ограбления Ранин, срочно уехал за границу на лечение Мясницкий, исчез Аникин... Вы понимаете, какая цепочка выстроилась? [Лев Корнешов. Газета (2000)];

(11) *Да! Да! – воскликнул он. – Это и есть твое общее дело! Ты должен поднять всех на ноги, я еще раз тебе повторяю! Ты должен сплотить вокруг себя все то лучшее, что еще живет и дышит на этой... территории, – обвел он наш двор широким движением руки. – Ты должен стать вдохновителем и организатором... Ты меня понял? – патетически закончил дядя Юзя* [Борис Минаев. Детство Левы (2001)].

Встречаются высказывания, в которых ПКХ, эксплицирующие модус повторного говорения, включают побуждение наряду с другими интенциями; так, например, в (10, 11) имеет место контроль понимания; в (12) адресант выражает косвенное побуждение-прохибитив (*напрасно отталкиваете* подразумевает «не отталкивайте»), репрезентатив-прогноз (*раскаетесь*) и экспрессив-угрозу, о присутствии которой свидетельствует наблюдатель-нарратор (*Увидите! – пригрозил...*):

(12) *А вы напрасно меня отталкиваете; по старой дружбе я еще раз вам повторяю: раскаетесь!.. – заключил он с ударением. – Никогда!.. Наоборот, уверена, что всю жизнь буду хвалить себя! – воскликнула Домна Осиповна. – Увидите! – пригрозил ей Янсутский и круто повернул назад к парку* [А. Ф. Писемский. Мещане (1877)].

В случае повторных директивных высказываний и включающих побуждение полиинтенциональных высказываний говорящий не может быть уверен, что после первой неудачной попытки воздействовать на адресата он добьется успеха во второй раз. В данном случае имеет место разновидность неопределенности, которую Н. Р. Кириченко определила как «осознание недостатка знаний о текущих событиях или о будущих возможностях» [17, с. 192]. Не случайно в типичном случае невозможны повторные директивы, исключаяющие тако-

го рода неопределенность, например: *«еще раз приказываю» (приказы не обсуждаются, а выполняются сразу).

Тот же недостаток знаний о происходящих событиях и их развитии в будущем, но только характеризующий адресата, обуславливает появление ПКХ-комиссива (4 % контекстов). Адресат заинтересован в том, чтобы адресант выполнил обещание, но у него имеются сомнения в благоприятном исходе событий, и он их вербализует (13). Это характерная ситуация для ПКХ с повторением обещания и экспликацией модуса повторного говорения:

(13) *Мой способ действия непогрешим, и поэтому я обещал вам, что вас освободят. Я еще раз вам это подтверждаю. – Извините меня, но если вы располагаете таким могущественным средством борьбы, то как могло случиться, что вы оказались там же, где я? – Я вам сказал уже, что это – недоразумение, – ответил он, пожав плечами. – Меня арестовали ночью, когда я спал* [Г. А. Газданов. Возвращение Будды (1950)].

Прибегая к повтору, автор директивного и комиссивного высказывания почти всегда усиливает свою позицию логическими аргументами (8, 10, 11) и/или паралингвистическими средствами, выполняющими риторическую функцию: в (9, 11, 12) графически обозначена восклицательная интонация, в (12) эмфаза, кроме того, выражена лексически (*заклучил он с ударением*). Иначе говоря, подобно ПКХ-репрезентативам, директивы и комиссивы строятся как убеждающие высказывания. Общим является и такой признак, как неочевидность предмета речи, что обнаруживает призыв (11), автор которого использует пропозицию идентификации (*это и есть...*), употребляет лексику с абстрактным значением (*все лучшее, что живет...*).

Повторы в сфере положительной фатики

Наконец, 33 % примеров приходится на «положительную фатику». К ней относятся ПКХ с экспрессивной интенцией, которые представляют собой этикетные речевые действия либо действия, выражающие положительные эмоции (благодарности, извинения, поздравления, похвалы, приветы, признания в добрых чувствах). В данном случае модус повторного говорения и само повторное речевое действие не вызваны неопределенностью информации, вводимой в диалог ранее; ПКХ также не является «исправлением» коммуникативной неудачи. Повтор выполняет интенсифицирующую функцию или сигнализирует о завершении коммуникации (14, 15):

(14) *Ну да ладно, главное, что мы получили небольшую сумму компенсации, так что можем залатать дыры. Еще раз вам огромное спасибо* [Журнал помог (2003) // «Сельская новь», 16.09.2003].

(15) *Горбачев сказал что-то неопределенное, что именно – не помню. Я: “Я еще раз вас благодарю! До свидания!” (Получилось, что я, а не он, как следовало по этикету, прервал разговор. Видимо, я не выдержал напряжения разговора и боялся внутренне, что будет сказано что-то лишнее...)* [А. Д. Сахаров. Горький, Москва (1989), далее везде].

Пример (15) примечателен тем, что адресант (А. Д. Сахаров), используя ПКХ-благодарность, тем самым завершает разговор после того, как его собеседник (М. С. Горбачев) «сказал что-то неопределенное». Так же, как в (6), здесь неопределенность информации является для одного из участников коммуникации желаемым, а не преодолеваемым состоянием сознания.

Роль повторного речевого действия в развитии дискурса

За исключением экспрессивов со знаком «плюс», ПКХ сигнализируют о коммуникативной неудаче, постигшей участника диалога до того, как он эксплицировал модус повторного говорения и повторил речевое действие. При стандартном ходе разговора экспликация модуса говорения, как известно, не производится, и если адресант это делает, он не просто осознает неудачу, но и заявляет адресату о том, что не удовлетворен текущим состоянием диалога. Последнее чрезвычайно важно: социальный либо ситуативный статус адресанта, использующего модус повторного говорения, не может быть значительно ниже статуса адресата. Отсюда почти невозможно *«еще раз умоляю» при нормальности «вновь умоляю». Далее адресант действует либо в своих интересах (повторяется, чтобы решить свою неречевую задачу, победить в споре и т. д.), либо в интересах адресата (повторяется, чтобы решить неречевую задачу адресата, помочь разобраться в предмете речи и т. д.).

В первом случае ПКХ реализуют дисгармоничное общение, о чем свидетельствуют уже приведенные примеры 2, 3, 4, 7, 9, 12 и некоторые другие. ПКХ может провоцировать нарастание напряженности: в предложениях с прямой речью слова автора, сопровождающие повторные реплики, включают такие формулировки, как *с особенным и весьма строгим внушением, уж закричал; заключил с ударением, твердо отчеканивая слова*. Подобные повторы включают негативно-оценочную лексику либо содержат негативную оценку адресата на смысловом уровне: *Зачем так от меня лихорадочно отбиваться, если Вы так уверены в своей правоте?; Я тебе не верю...; Извольте идти вон!; ...Не мучьте меня ... забудем друг друга как можно великодушнее* (для краткости здесь и выше мы ограничились фрагментами контекстов). Во вто-

ром случае адресант стремится нивелировать коммуникативную неудачу в прошлом, проявляет эмпатию, выстраивает диалог в режиме дружеского общения: включает в речь «мы» инклюзивное (10), использует неформальное обращение (8). Черты подобного речевого поведения ярко проявляются в (16), где адресант, дважды не достигший успеха при разъяснении принципа работы электрической лампочки, призывает на помощь «знающего человека»:

(16) *Одной рукой он держал широкий подол, в котором было несколько электрических лампочек. Рядом со стариком стоял молодой человек в меховых торбазах и ватном костюме. – Неразумный, я еще раз тебе говорю, что для горения этих лампочек нужно электричество. Он заметил Ринтына и обрадованно крикнул: – Вот пусть нам объяснит знающий человек! Иди сюда!* [Юрий Рытхэу. Время таяния снегов (1967)].

Перлокутивный эффект речевого действия, вводимого модусом повторного говорения, не регулируется какими-либо правилами речевого поведения. С одной стороны, ряд примеров демонстрирует успешность ПКХ. Зафиксированы сигналы понимания после повторного репрезентатива (*она поняла, что это правда*); исполнение просьбы после ее повторного выражения (*Ну что же мне, скажите, было делать после этого!*); смена адресатом тональности после дублирования ультимативного требования (*Ну полно!... Давай поговорим толком*); бурная эмоциональная реакция, свидетельствующая о том, что адресант услышан (*оба вскинулись*), и др. С другой стороны, те грани неопределенности информации, которые привели адресанта к повторению речевых действий, не всегда нивелируются настолько, чтобы адресат отреагировал на повтор в соответствии с ожиданиями собеседника. Значительная часть контекстов из корпуса оставляет вопрос о перлокутивном эффекте открытым; в отдельных случаях, подобных (6, 15), сохранение неопределенности рассматривается адресантом как достижение цели; есть и такие ПКХ, в которых в явном виде выражена очередная неудача. Повторное речевое действие может не достичь цели вследствие принципиальной множественности интерпретации вновь поступающей информации, чрезвычайной сложности дискурсивных обстоятельств, в частности – влияния на ситуацию третьих лиц, как в (17):

(17) *Ананий Яковлев. Лизавета, еще раз тебе говорю, не делай ты этого. Бурмистр. Нечего тут, не делай.* [Молодому парню] *Дай ей своего*

полушубка и сапог, – до усадьбы только довести ее [А. Ф. Писемский. Горькая судьбина (1859)].

Заключение

Экспликация модуса повторного говорения является одним из маркеров продолжающего коммуникативного хода (ПКХ) в составе диалога. Так как модус говорения обычно не вербализуется, имеет место прагматически обусловленное нарушение стандарта. Адресант использует формулу «еще раз + глагол речевого действия» и затем повторяет сказанное в двух противоположных ситуациях. В случае положительной фатики (благодарность, похвала и др.) повтор повышает этикетность общения, направлен на улучшение отношений с адресатом, не зависит от статусов коммуникантов. В остальных случаях повторное речевое действие – знак того, что адресант не удовлетворен ходом диалога, считает адресата ответственным за коммуникативную неудачу, приписывает себе статус выше (по крайней мере, не ниже) статуса адресата.

Когнитивной предпосылкой повторного речевого действия, не относящегося к положительной фатике, является неопределенность информации. Семантические разновидности неопределенности, на снятие которой направлены повторные речевые действия, соотносятся с интенциями последних. Условием реализации повторных репрезентативов является неполное, неточное знание о предмете речи у коммуникантов – чаще адресата, либо некорректная, с точки зрения адресанта, интерпретация адресатом обсуждаемого положения дел. Инициировать повторное сообщение может также сложный для понимания, неочевидный предмет речи. Повторные директивы и комиссивы появляются в условиях неуверенного прогноза относительно обсуждаемых событий со стороны одного из коммуникантов.

В отдельных примерах ПКХ с эксплицированным модусом повторного говорения направлены не на снятие, а на сохранение неопределенности, что отвечает сложной организации человеческого общения.

Снятие неопределенности информации посредством ПКХ необходимо адресанту для усиления своей коммуникативной позиции. В типичном случае повторные действия, направленные на снятие неопределенности, не дублируют сказанное ранее, выражают новые сведения, сообщают ПКХ признаки убеждающего высказывания, которое, однако, не всегда обеспечивает необходимый говорящему перлокутивный эффект.

Список источников

1. Серебрякова А. Ю. Экстралингвистические причины коммуникативных неудач // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2015. Т. 12, № 4. С. 34–37.

2. Сквородников А. П. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та. 2012. 882 с.
3. Данилевская Н. В. Развернутые вариативные повторы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 316–319.
4. Беляев Д. В. Повтор в текстовой структуре Büttenrede // Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология. 2011. № 4. С. 177–182.
5. Гельфман Э. Г., Пенская Ю. К., Цымбал С. Н. Учет различных способов кодирования информации как условие организации обогащающего повторения // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2018. 4 (22). С. 27–38.
6. Туницкая Е. Л. Прагматическая специфика повтора и переспроса в диалоге (на материале французских пьес) // Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. 2015. № 6 (717). С. 588–598.
7. Маркова В. А. Вариативный повтор как средство преодоления коммуникативной неудачи в устной диалогической речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5(59): в 3 ч. Ч. 3. С. 114–118.
8. Иванцова В. И. Функционирование речевого жанра просьбы в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2022. № 79. С. 40–58.
9. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30–64.
10. Вечкина О. В. Коммуникативные неудачи в повседневном речевом общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 22 с.
11. Кириченко Н. Р. Концепт «неопределенность» в английском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 18 с.
12. Кириченко Н. Р. Концепт «неопределенность»: рациональный и иррациональный подходы к исследованию // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Т. 22, № 53. С. 126–131.
13. Николаева Т. М. Определенности – неопределенности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 349.
14. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
15. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
16. Орлова Н. В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). Омск: Вариант-Омск, 2005. 266 с.
17. Кириченко Н. Р. Семантика неопределенных высказываний (на материале рассказов Б. Х. Роджерса) // Внутренний мир человека: эмоции, когниция, коммуникация: материалы Всероссийской конференции памяти доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента СО АН Высшей школы России Юрия Марцельевича Малиновича / отв. ред. И. П. Амзаракова; науч. ред. М. В. Малинович. Омск, 2017. С. 192–196.

References

1. Serebryakova A. Yu. Ekstralingvisticheskiye prichiny kommunikativnykh neudach [Extralinguistic reasons of communicative failures]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika» – Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2015, vol. 12, no. 4, pp. 34–37 (in Russian).
2. Skovorodnikov A. P. *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik*. Pod redaktsiyey A. P. Skovorodnikova [Effective speech communication (basic competences): a dictionary-guide. Edited by A. P. Skovorodnikov]. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2012. 882 p. (in Russian).
3. Danilevskaya N. V. Razvernutyte variativnye povtory [Expanded variant repetitions]. *Stilisticheskyy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Pod redaktsiyey M. N. Kozhinoy [Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language. Edited by M. N. Kozhina]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003. Pp. 316–319 (in Russian).
4. Belyaev D. V. Povtor v tekstovoy strukture Büttenrede [Repetition in the Büttenrede text structure]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya – Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology*, 2011, no. 4. pp. 177–182 (in Russian).
5. Gel'fman E. G., Penskaya Yu. K., Tsymbal S. N. Uchet razlichnykh sposobov kodirovaniya informatsii kak usloviye organizatsii obogashchayushchego povtoreniya [Accounting for different ways of encoding information as a condition for organising enriching repetition]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye. Pedagogical Review – Pedagogical Review*, 2018, no. 4 (22), pp. 27–38 (in Russian).
6. Tunitskaya E. L. Pragmaticheskaya spetsifika povtora i peresprosa v dialoge (na materiale frantsuzskikh p'yey) [Pragmatic specificity of repetition and interrogation in dialogue (on the material of French plays)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki – Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2015, no. 6 (717), pp. 588–598 (in Russian).
7. Markova V. A. Variativnyy povtor kak sredstvo preodoleniya kommunikativnoy neudachi v ustnoy dialogicheskoy rechi [Variative repetition as a means of overcoming communicative failure in oral dialogic speech]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Issues of theory and practice*, 2016, no. 5(59): in 3 parts, p. 3, pp. 114–118 (in Russian).

8. Ivantsova V. I. Funktsionirovaniye rechevogo zhanra pros'by v diskurse dialektnoy yazykovoy lichnosti [Functioning of the speech genre of request in the discourse of the dialect language personality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2022, no.79, pp. 40–58 (in Russian).
9. Ermakova O. P., Zemskaya E. A. K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [Towards the construction of a typology of communicative failures (on the material of natural Russian dialogue)] *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [The Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Moscow, Nauka Publ, 1993. Pp. 30–64 (in Russian).
10. Vechkina O. V. *Kommunikativnye neudachi v povsednevnom rechevom obshchenii. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative failures in everyday speech communication. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Saratov, 2010. 22 p. (in Russian).
11. Kirichenko N. R. *Kontsept «neopredelennost'» v angliyskom yazykovom soznani. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Concept «uncertainty» in English linguistic consciousness. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Irkutsk, 2008. 18 p. (in Russian).
12. Kirichenko N. R. *Kontsept «neopredelennost'»: ratsional'nyy i irratsional'nyy podkhody k issledovaniyu* [Concept “uncertainty”: rational and irrational approaches to the study]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences*, 2007, vol. 22, no. 53, pp. 126–131 (in Russian).
13. Nikolaeva T. M. *Opredelemnosti – neopredelennosti kategoriya* [Definiteness – uncertainty category]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsyklopediya Publ., 1990. p. 349 (in Russian).
14. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 276 p. (in Russian).
15. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sostavitel', glavnyy redaktor kand. filol. nauk S. A. Kuznetsov [Big explanatory dictionary of the Russian language; Composer, chief editor, candidate of philological sciences S.A. Kuznetsov]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p. (in Russian).
16. Orlova N. V. *Naivnaya etika: lingvisticheskiye modeli (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)* [Naive ethics: linguistic models (on the material of modern Russian language)]. Omsk, Variant-Omsk Publ., 2005. 266 p. (in Russian).
17. Kirichenko N. R. *Semantika neopredelyonnykh vyskazyvaniy (na materiale rasskazov B. Kh. Rodzhersa)* [Semantics of indefinite statements (on the material of B. H. Rogers' stories)]. In: *Vnutrenniy mir cheloveka: emotsii, kognitsiya, kommunikatsiya: materialy Vserossiyskoy konferentsii pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora, chlena-korrespondenta SO AN Vyshey shkoly Rossii Yuriya Martselevicha Malinovicha*. Otvetstvennyy redaktor I. P. Amzarakova, nauchnyy redaktor M.V. Malinovich [The Inner World of Man: Emotions, Cognition, Communication: materials of the All-Russian conference in memory of Doctor of Philological Sciences, professor, corresponding member of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the Higher School of Russia Yuri Martselevich Malinovich. Executive editor I. P. Amzarakov; scientific editor M. V. Malinovich]. Omsk, 2017. Pp. 192–196 (in Russian).

Информация об авторах

Орлова Н. В., доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55, Омск, Россия, 644077).
E-mail: nvorl@rambler.ru

Стрекалов Д. А., аспирант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55, Омск, Россия, 644077).
E-mail: paperbackwriter@gmail.com

Information about the authors

Orlova N. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian Language, Literature and Documentary Communications, F. M. Dostoevsky Omsk State University (pr. Mira, 55, Omsk, Russian Federation, 644077).
E-mail: nvorl@rambler.ru

Strekalov D. A., postgraduate student, F. M. Dostoevsky Omsk State University (pr. Mira, 55, Omsk, Russian Federation, 644077).
E-mail: paperbackwriter@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.07.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 30.07.2023; accepted for publication 04.12.2023